

УДК 911.3

МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

© 2013 г. Н.В. Мкртчян

Институт демографии НИУ ВШЭ, Москва

Поступила в редакцию 22.06.2013

В статье на основе данных за 1989–2002 и 2003–2010 гг. анализируется миграция молодежи на уровне городов и районов 19 регионов России. Миграция оценивается методом “передвижки возрастов” за соответствующие межпереписные периоды, что обеспечивает, по мнению автора, большую точность оценок в сравнении с данными текущей статистики. Миграция молодежи повсеместно имеет выраженный центростремительный характер, потери молодежи периферией нарастают по мере удаления от региональных центров. Притягивали молодежь в рассматриваемый период все региональные столицы, что позитивно сказывалось на возрастной структуре их населения, “удерживать” молодежь могли только крупные города. Потери молодежи периферией носят устойчивый характер, они зависят от общей миграционной притягательности регионов и достигают наибольших масштабов на востоке страны и в депрессивных регионах Центра. В малых и средних городах на периферии регионов отток молодежи почти всегда достигает той же интенсивности, что и в сельской местности.

Проблемы межпоселенной миграции населения России, в том числе молодежи – явление не новое и давно исследуемое [8, 20, 21]. Внимание ученых привлекали такие проблемы как приток молодежи в города, проблемы приживаемости новоселов, бегство молодых людей из села. В 1960–1970 гг. сельское население теряло за счет миграции примерно по 1 млн человек ежегодно, в некоторые периоды отток населения в города был и более интенсивным. Благодаря этому в России появилась сеть крупных и крупнейших городов, и процесс концентрации населения не завершен [7], на повестке дня – конкуренция городов за население, за молодежь. В связи с демографической исчерпанностью села мигрантов заменяют жители малых и средних городов [19].

Данные о миграции, ежегодно публикуемые статорганами, скудны, а начиная с середины 1990-х годов и недостоверны. Так, результаты переписи населения 2002 г. показали, что доля неучтенной миграции между регионами России составляет порядка 30% ее реальных объемов [5]. Во внутрирегиональной миграции латентная

компонента может быть еще больше из-за того, что переселенческая миграция замещается пространственной мобильностью, не ведущей к официальной, документально подтвержденной смене постоянного места жительства, в силу чего российская статистика ее не фиксирует. Поэтому численность населения, которое де-факто проживает в том или ином городе (поселке городского типа, районе), может существенно отклоняться от статистической оценки. Переписи позволяют исправить это несоответствие, но лишь отчасти [9].

Наиболее миграционно активно население в молодом возрасте, неслучайно поэтому миграция молодежи чаще всего становится предметом исследований. По данным текущего учета, в 2007–2010 гг. во внутрироссийской миграции более 40% прибывших составляла молодежь в возрасте 17–29 лет. В работах В.И. Переведенцева конца 1980-х годов выделялись три главных потока молодежи из села в город: 15–16 лет² – после окончания неполной средней школы; 17–18 лет – по окончании средней школы; 20–21 год – после службы в армии [20]. Сейчас возраст наиболь-

¹ Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 на 2012–2014 гг. “Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал”.

² Миграции молодежи 15–16 лет в современной России практически не выражены, в этом возрасте молодые люди обычно живут в родительской семье и не склонны к самостоятельной миграции.

Таблица 1. Численность детей в 1979 г. и молодежи в 1989 г., тыс. человек

Население и его основные категории	1979 г.		1989 г.			
	5–9 лет	10–14 лет	15–19 лет	с 20 до 24 лет	в % к численности данной когорты в 1979 г.	
					15–19 лет	с 20 до 24 лет
Все население	9866.9	8975.3	9967.6	9754.6	101.0	108.7
Городское население	6508.2	5776.7	7740.6	7384.6	118.9	127.8
Сельское население	3358.7	3198.5	2227.0	2370.0	66.3	74.1

Здесь и далее: Составлено автором по данным переписей населения соответствующих лет

Таблица 2. Численность детей в 1989 г. и молодежи в 2002 г., тыс. человек

Население и его основные категории	1989 г.		2002 г.			
	1–5 лет	6–10 лет	15–19 лет	с 20 до 24 лет	в % к численности данной когорты в 1989 г.	
					15–19 лет	с 20 до 24 лет
Все население	12169.3	11054.5	12800.63	11466.4	105.2	103.7
городское население	8614.5	7902.4	9658.3	8856.1	112.1	112.1
сельское население	3554.8	3152.2	3142.3	2610.3	88.4	82.8

шей миграционной активности приурочен, скорее, к возрасту получения профессионального образования.

В целях более точной оценки миграции детей и молодежи обычно используют метод “передвижки возрастов”, производимой за межпереписные периоды. Ж.А. Зайончковская на основе данных переписей 1959, 1970 и 1979 гг. производила оценку миграционных потерь сельской местности РСФСР за соответствующие межпереписные периоды [4]. По ее оценке, поколение 10–14-летних за 1959–1979 гг. сократилось на селе в 2.5 раза за счет миграции в города.

В последующие межпереписные периоды сокращение сельского населения за счет выезда в города таких масштабов не принимало. В табл. 1 представлены результаты передвижки возрастов за межпереписные периоды 1979–1989 и 1989–2002 гг. За 1979–1989 гг. из числа 5–9-летних жителей сельской местности России к моменту переписи 1989 г. осталось 66%, а из 10–14-летних – 74%. При этом в отличие от предыдущих лет происходил прирост за счет внешней миграции, так как общее число лиц в возрастах с 20 до 24 лет было больше, чем 10–14-летних десятилетием ранее, но его роль не была определяющей. В общем виде эти цифры отражают потери молодежи российским селом. Городское же население увеличилось соответственно на 19 и 28%.

В 1989–2002 гг., как показывает сопоставление соответствующих когорт городского и сельского населения, масштабы перетока были меньше, несмотря на более длительный межпереписной период (табл. 2). Видимо, потери молодежи сельской местностью частично компенсировались за счет притока населения из постсоветских стран, который был существенно больше, чем в 1980-е годы. Возможно, сократился и реальный поток в города в 1990-е годы. В последний межпереписной период (2003–2010 гг.) масштабы перетока молодежи из сельской местности в города, судя по данным переписей, практически не изменились (табл. 3), и они по-прежнему меньше, чем в советский период.

Помимо выяснения объемов межпоселенной миграции, представляют интерес ее пространственные аспекты. Общие тенденции перераспределения населения в последний межпереписной период описаны во многих работах и на макроуровне сводятся к перетоку с востока на запад (“западному дрейфу”) и концентрации в наиболее привлекательных регионах, в крупнейших городах. На внутриобластном уровне, как видно из данных по динамике населения отдельных городов и районов, идет концентрация населения в региональных столицах [6]. Понятно, что миграция играет при этом немалую роль, но оценить ее количественно весьма сложно, так как данные по городам и административным районам доступны только из публикаций территориальных органов

Таблица 3. Численность детей в 2002 г. и молодежи в 2010 г., тыс. человек

Население и его основные категории	2002 г.		2010 г.			
			15–19 лет	с 20 до 24 лет	в % к численности данной когорты в 2002 г.	
	7–11 лет	12–16 лет			15–19 лет	с 20 до 24 лет
Все население	7921.6	11933.6	8389.4	12169.5	105.9	102.0
городское население	5341.7	8339.4	6177.9	9176.2	115.7	110.0
сельское население	2580.0	3594.1	2211.5	2993.2	85.7	83.3

Росстата, а пересчеты от итогов переписей на таком уровне и вовсе не публикуются.

Поэтому в данной статье сделана попытка оценки миграции молодежи на уровне городов и административных районов за два межпереписных периода, ее методика основывается на методе “передвижки возрастов”. Информационной базой служат данные о половозрастном составе населения на переписные 1989, 2002 и 2010 гг. в 19 регионах 7 федеральных округов России³. Данные получены из малотиражных сборников, выпущенных территориальными органами Росстата по итогам переписи 2002 г., материалов, полученных в ходе полевых исследований в отдельных регионах, а также предоставленных Росстатом данных о половозрастном составе населения муниципальных образований по переписи 2010 г. Общее число низовых административно-территориальных единиц (АТЕ), по которым имеется информация, составило 763, то есть более четверти от общего числа единиц данного уровня в России.

Методика включает ряд упрощений, без которых на данном этапе трудно обойтись. Во-первых, не учтены вероятности дожития для рассматриваемых когорт (97–99% в 1989–2002 гг. и 99–99,5% в 2003–2010 гг.) в зависимости от возрастной группы и пола. Во-вторых, величина сдвига в 1989–2002 гг. составляла 14 лет, хотя между переписями прошло 13 лет и 9 месяцев. В-третьих, в 1989–2002 гг. в 8 из 19 регионов передвижка основана на данных не об однолетних, а о пятилетних возрастных группах; в 2003–2010 гг. этой проблемы нет, так как использовались данные по однолетним группам. В-четвертых, далеко не вся миграция отражена в данных переписи: часть молодых людей были переписаны в месте прежнего

жительства (со слов родителей) и учтены в ходе переписи дважды, что доказывает анализ данных переписей 2002 и 2010 гг. Согласно проведенному сопоставлению данных переписи и оценки на ее дату на основании текущего учета населения двойной учет молодежи студенческих возрастов являлся наиболее распространенной ошибкой переписи 2010 г. [1, 12]. Поэтому предложенная в статье методика позволяет оценить не столько точный масштаб миграции, сколько разницу между отдельными городами и районами, выделить среди них отдающие и привлекающие молодежь. Вопрос о разном влиянии международной и внутривосточной миграции на региональную динамику рассматриваемых возрастных контингентов в основном остается за рамками анализа, данная методика позволяет описать внутривосточную миграцию, внешняя для региона миграция здесь рассматривается прежде всего как помеха, снижающая точность оценок.

Гипотеза исследования состоит в том, что в динамике контингентов молодежи есть определенные закономерности: действует зависимость от административного ранга города, его размера, удаленности города или низового района от центра региона. В статье предпринята попытка рассмотреть динамику населения муниципальных образований и контингентов молодежи в свете центрально-периферийных взаимодействий. Миграция молодежи выступает и как самостоятельный объект изучения, и в качестве “лакмусовой бумажки” центрально-периферийных процессов.

ДИНАМИКА КОНТИНГЕНТОВ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В СВЯЗИ С УДАЛЕННОСТЬЮ ОТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Во всех избранных регионах (кроме северо-тюркских АО, где районы велики, их немного и соседство с региональным центром условно) города

³ В Костромской, Курской, Архангельской, Ростовской областях, Ставропольском крае, республиках Башкирии, Удмуртии, Чувашии, Пермском крае, Тюменской области (и отдельно Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО), Республике Алтай, Алтайском крае, Омской, Томской областях, Республике Бурятия, Иркутской области, Приморском крае.



Рис. 1. Численность молодежи в 2002 и 2010 гг. по зонам топологической удаленности от регионального центра, % к числу детей в 1989 и 2002 гг. соответственно

и районы распределены на группы по удаленности от регионального центра. Нулевой считается удаленность района, примыкающего к региональной столице (иногда их бывает два-три). Прочие районы делятся на соседей пристольного 1-го, 2-го, ... 5-го и более дальних порядков. Сводные результаты расчетов динамики численности детско-молодежных контингентов населения за межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг. по таким зонам представлены на рис. 1.

Как видим, молодежь притягивают столицы и пристольные районы. Их соседям 1-го порядка в 2002 г. удавалось сохранять контингент 15–19-летних, но более старшую молодежь эти районы уже не удерживают. Масштабы оттока всех рассмотренных возрастных когорт нарастают к зоне соседей 3-го порядка. В следующей зоне отток ослабевает – здесь чаще всего располагаются крупные (в масштабе региона) города; они, находясь на определенном удалении от регионального центра, становятся локальными центрами притяжения молодежи из своей округи. Таковы Глазов в Удмуртии, Алатырь в Чувашии, Бийск и Камень-на-Оби в Алтайском крае, Волгодонск в Ростовской области и т.п. В еще более отдаленных от центра районах потери молодежи вновь увеличиваются.

Если судить по рис. 1, в период 2003–2010 гг. потери периферией молодежи и ее концентрация в региональных центрах шли интенсивнее, чем в предыдущий межпереписной период. Однако такие сравнения не совсем корректны, особенно в возрастных группировках: именно на возраст 18–22 лет приходится наибольшая миграционная подвижность даже в целом в подвижной группе

молодежи. Часть молодых людей после получения образования возвращается, поэтому эти потери нельзя считать полностью безвозвратными. В данном случае важно, что в оба межпереписных периода характер кривых был очень схожим.

В каждом регионе миграция молодежи из внутрирегиональной периферии в центр – не единственный источник динамики численности рассматриваемых когорт, их численность может меняться также в результате межрегиональной и международной миграции. В целях нивелирования влияния внешней миграции на центр-периферийные взаимодействия, рассмотрим отдельно динамику контингентов детей и молодежи в регионах, притягивавших и терявших молодежь за оба межпереписных периода. В первый межпереписной период притягивали молодежь Республика Чувашия, Ставропольский, Алтайский и Приморский края, Ростовская и Тюменская области, во второй к ним добавились Республика Башкортостан и Томская область, а Алтайский край молодежь стал терять, как и все остальные рассматриваемые регионы. Города и районы сгруппируем по удаленности от регионального центра – ближайшие, пристольные (удаленность города или центра района от регионального – 30 км в Европейской России и 50 км – в Азиатской); среднеудаленные – от 30–50 до 50–100 км соответственно; сильноудаленные (рис. 2). Сильноудаленные районы примерно соответствуют соседям 2-го и более порядков по ранее описанной методике.

В оба межпереписных периода четко прослеживается концентрация молодежи в региональных центрах и ближайших к ним территориях. Причины, почему потеря молодежи у ближайших к региональным центрам территорий ниже, чем у отдаленных городов и районов, вполне очевидны: чем дальше они от крупного города, тем меньше возможности совершения маятниковых (суточных) и других регулярных поездок на учебу, работу, за развлечениями и т.д. И тем чаще “среднему” молодому человеку для приобщения к благам цивилизации, которые предоставляют крупные города, необходимо менять место жительства, хотя бы на время, на срок получения образования.

Даже в группе регионов, которые имели положительный баланс миграции молодежи, удаленная от центров периферия теряет молодежь, хотя масштабы этих потерь меньше. По-видимому, отток молодежи с периферии в центры регионов везде идет схожими темпами, но приток из-за пределов региона его сглаживает. Например, в Ставропольском крае в отдаленных от центра городах и районах контингенты молодежи не претерпели сокращения, но это результат замещения оттока в

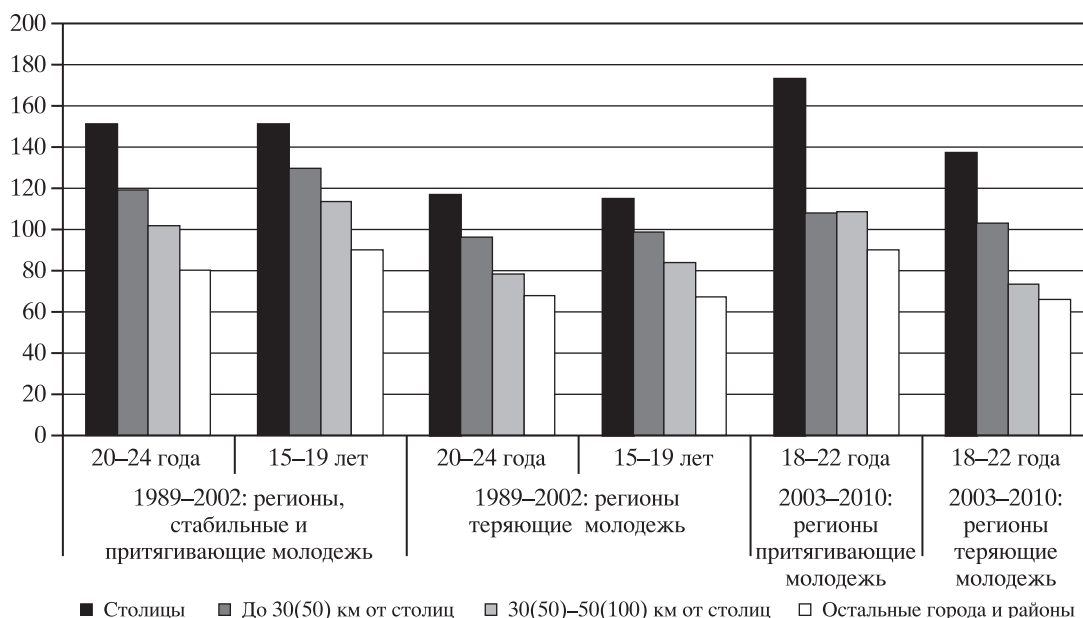


Рис. 2. Численность молодежи в 2002 и 2010 гг. в регионах, притягивающих и теряющих молодежь, % к числу детей в 1989 и 2002 гг. соответственно

региональный центр и в другие крупные города притоком из других регионов, прежде всего из республик Северного Кавказа, а также их других стран.

Однако как в регионах теряющих, так и притягивающих молодежь, все региональные столицы увеличивали численность населения рассмотренных возрастных когорт. Даже такой слабый центр как Горно-Алтайск прирастал за счет молодежи. Отдельным же, наиболее привлекательным, центром удалось прирасти за счет молодых мигрантов очень существенно: Ставрополь к 2002 г. увеличил численность 20–24-летних на 115%, Томск – на 70%; к 2010 г. эти города увеличили численность 18–22-летних на 173 и 138% соответственно.

РАЗМЕРЫ ГОРОДОВ, СПОСОБНЫХ ПРИТЯНУТЬ ИЛИ УДЕРЖАТЬ МОЛОДЕЖЬ

В 1989–2002 гг. большинство региональных центров притягивали молодежь либо, если регион испытывал сильный отток населения, удерживали данный контингент населения на стабильном уровне (Пермь, Архангельск). Помимо региональных столиц в регионах имелись другие центры притяжения молодежи, да и сами столицы различаются между собой, в том числе по числу жителей.

На рис. 3 города сгруппированы по числу жителей, отдельно представлены города в регионах, в целом притягивающих или отдающих молодежь. Как видим, в регионах, теряющих молодежь, даже

100-тысячники не могут удерживать молодежь, а в миграционно-привлекательных регионах слабый отток к возрасту 20–24 лет⁴ отмечен в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек, а также в самых малых. Расчеты также показывают, что в 1989–2002 гг. уверенно удерживали молодежь города с населением свыше 250 тыс. человек, причем даже в регионах, теряющих население этих возрастов за счет миграции.

В 2003–2010 гг. тесная зависимость баланса миграции молодежи от размеров городов сохранилась. В регионах, притягивающих молодежь в возрасте 18–22 лет, удержать ее способны города с населением 50 тыс. человек и более, а в регионах, теряющих молодежь – только города с населением более 250 тыс. человек (рис. 4). Без учета фактора разделения регионов на две группы (притягивающие/отдающие молодежь) можно сказать, что в среднем по рассматриваемым регионам удерживают молодежь города с населением 100 тыс. жителей и более. Именно в них для молодежи есть возможности получать профессиональное образование по определенному спектру специальностей, конечно, не в лучших вузах, а в основном в многочисленных филиалах.

⁴Как уже отмечалось, более юный, отчасти еще подростковый, контингент 15–20 лет менее самостоятелен, в том числе в миграциях, и особенно при смене постоянного места жительства. Дальние переезды чаще отражают выбор родителей (опекунов) этих молодых людей, чем их самих, что, разумеется, влияет на результаты.

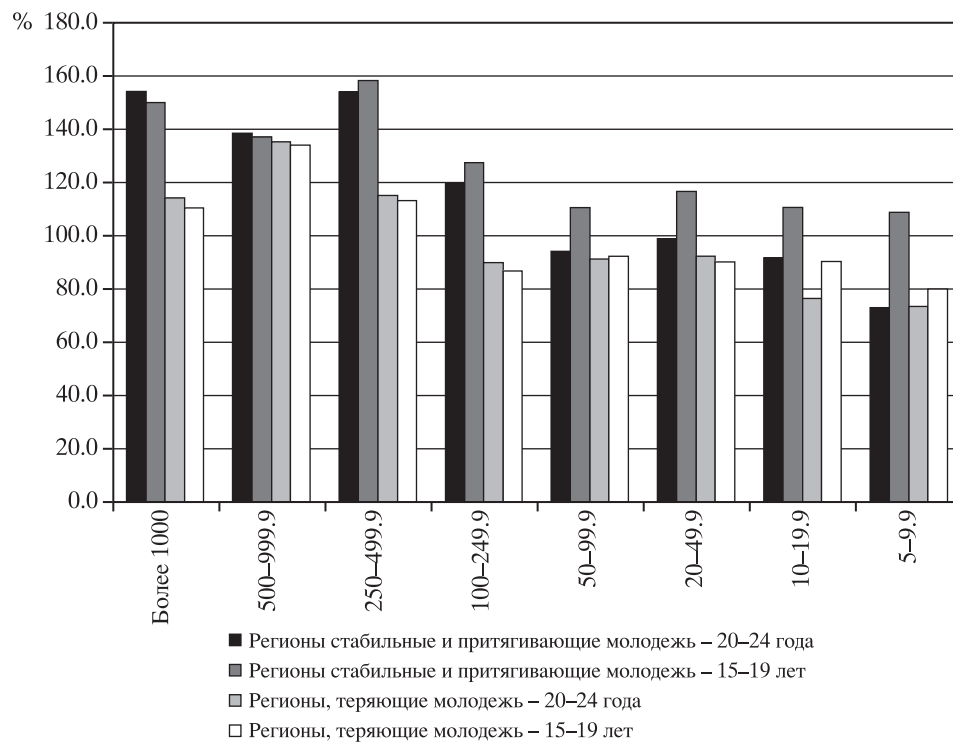


Рис. 3. Отношение численности 20–24-летних и 15–19-летних в 2002 г. к соответствующим детским возрастам в 1989 г. в городах разного размера (тыс. чел.)

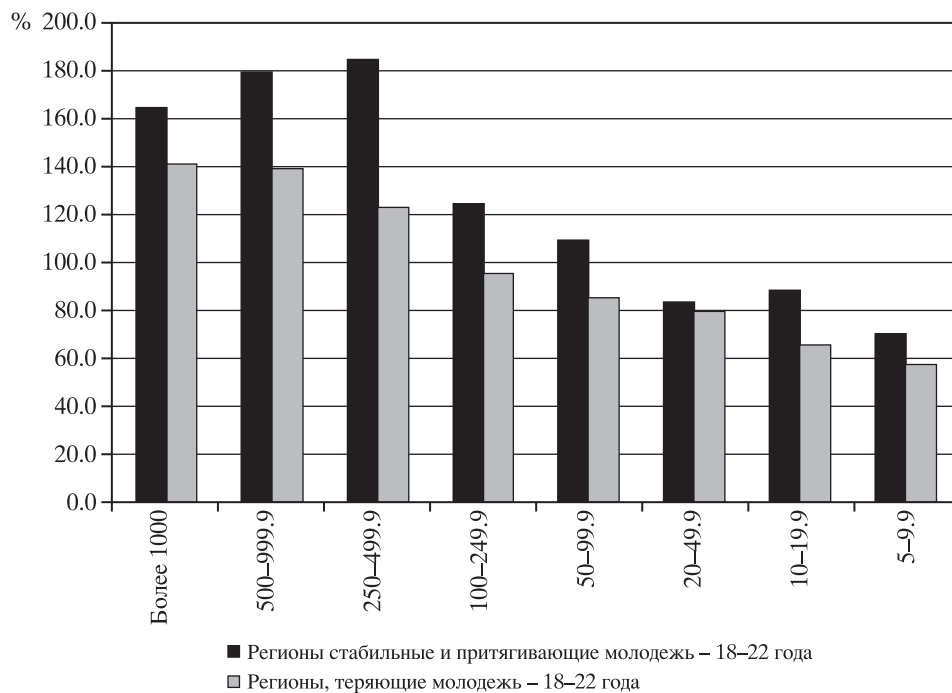


Рис. 4. Отношение численности 18–22-летних в 2010 г. к соответствующим детским возрастам в 2002 г. в городах разного размера (тыс. чел.)

Если не рассматривать региональные столицы, которые прирастают молодежью практически независимо от численности жителей (как будет показано ниже), то чем больше население горо-

да, тем больше вероятность сохранения и миграционного приращения численности молодежи. В 2003–2010 гг. среди нестоличных городов с населением более 100 тыс. 53% прирастали моло-

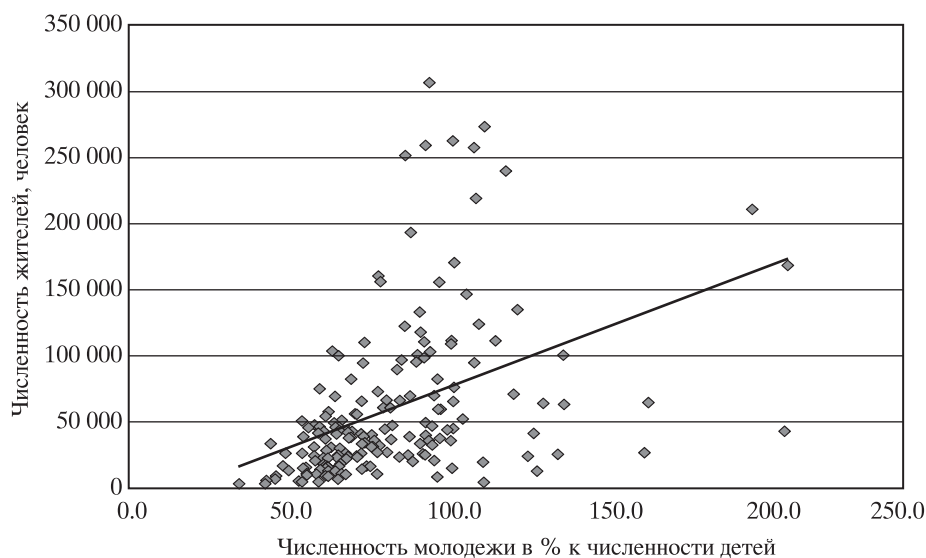


Рис. 5. Распределение городов по числу жителей и отношению численности 18–22-летних в 2010 г. к соответствующим детским возрастам в 2002 г., %

дежью, с населением от 50 до 100 тыс. – 26%, с населением менее 50 тыс. – 12% (рис. 5). Помимо прочего, видно, что чем меньше население городов, тем большие потери молодежи в результате миграции они несут.

На примере трех крупных регионов рассмотрим, какие города – по числу жителей и удаленности – притягивали молодежь. В табл. 4 представлены города (за исключением центров регионов), где численность молодых людей в возрасте 20–24 лет в 2002 г. превышала численность соответствующей детской когорты на дату предыдущей переписи или сохранилась на неизменном уровне.

В рассматриваемых регионах, помимо их столиц, имелось разное число центров, притягивающих молодежь. В Башкортостане, в отличие от многих других регионов имеющем достаточно полнокровную (не так сильно вымытую оттоком населения и не очень страдающую от депопуляции) периферию, их было несколько. Салават, Стерлитамак и Мелеуз на юге, Октябрьский и Белебей на западе, Бирск к северу от Уфы и Сибай на юго-востоке претендуют на роль альтернативных центров, но их население невелико, что не добавляет им устойчивости. В следующий межпереписной период (2003–2010 гг.) из этой группы вышли Мелеуз и Благовещенск, но к ней присоединился Белорецк на востоке. По-прежнему не хватает центров, притягивающих молодежь, на севере и юге республики.

Пермский край в 2002 г. имел три центра притяжения – все с населением свыше 100 тыс. че-

ловек и на значительном расстоянии от столицы, к северу и югу от нее. К 2010 г. они перестали удерживать молодежь, только один город в крае, за исключением столицы, притягивал молодое население – Кунгур, сильно уступающий ранее привлекательным городам по численности жителей.

В Алтайском крае в 2002 г. как центры притяжения молодежи выделялись Рубцовск на юго-западе, Бийск и Белокуриха на юго-востоке, Алейск – в центре и, с некоторой условностью, Камень-на-Оби (притягивал только молодежь в возрасте 15–19 лет) на северо-западе. Правда, в 1990-е годы на динамику контингентов молодежи сильное влияние оказывал большой миграционный приток из соседнего Казахстана, который мог превосходить приток из городов и сел края. К 2010 г. все города, кроме Белокурихи, удержали свои позиции, но новых центров не возникло.

В огромной Иркутской области, если исключить Ангарск и Шелехов, входящие в Иркутскую агломерацию, в качестве субцентра в 2002 г. можно было рассматривать только Братск, которому удавалось лишь удерживать молодежь, к 2010 г. и он стал ее терять. В результате молодежь едет в Иркутск и города его агломерации, а с запада области – в Красноярск [10].

В ряде областей – Архангельской, Костромской, Томской – вообще нет других центров притяжения, кроме региональных столиц. В этих регионах можно говорить только о более или ме-

Таблица 4. Некоторые характеристики городов, притягивающих или удерживающих молодежь (исключая центры соответствующих регионов) в 1989–2002 гг.

Город	Численность населения в 2002 г., тыс. человек	Удаление от регионального центра, км	Отношение числа 20–24-летних в 2002 г. к 6–10-летним в 1989 г., %
Республика Башкортостан			
Благовещенск	33	42	101.9
Бирск	40	102	138.8
Стерлитамак	264.4	130	117.5
Салават	158.6	178	107.3
Белебей	60.9	180	101.4
Октябрьский	108.6	188	101.9
Мелеуз	63.2	205	103.3
Сибай	60.1	464	120.2
Пермский край			
Березники	175.3	136	99.8
Чайковский*	109.8	260	116.0
Соликамск	102.5	368	104.8
Алтайский край			
Новоалтайск	73.5	12	125.4
Алейск	28.6	125	103.9
Бийск	232.9	163	109.6
Белокуриха	14.5	193	119.5
Рубцовск	163.1	281	113.3
Иркутская область			
Братск	259.3	490	99.8

*включая население одноименного района

нее высоких темпах потери молодежи, например, в Костромской области меньше других теряли Буй и Шарья, которые немного крупнее других городов областной периферии (а Шарья еще и выполняет роль межрайонного центра). Зато в Ставропольском крае и Ростовской области городов, притягивающих или удерживающих молодежь, как было, так и осталось почти половина, но здесь играет роль внешний приток мигрантов, и, конечно же, большая жизнеспособность сельской периферии.

Наличие центров, способных притягивать молодежь наряду с официальными столицами регионов, на наш взгляд, позитивно для регионального развития. Если их нет, то это не значит, что по окончании школ молодые люди остаются у себя в районах и малых городах. У них, кроме того, есть два пути: 1) в столицу своего региона; 2) за его пределы – в сильный центр соседнего региона, в столицу другого региона, в Москву, либо вообще за рубеж. Понятно, что последний путь, в силу разных причин, – удел немногих, функцию заграничницы в России уже давно выполняет Москва.

“ОМОЛАЖИВАЮЩИЙ” ЭФФЕКТ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦАХ

Приток молодежи сказывается на возрастной структуре населения всех тех мест, куда она едет. Однако ее влияние ощутимее у региональных столиц, тем более что оно устойчиво во времени. Из табл. 5 видно, что в 2002 г. разница между столицей и регионом в целом по доле населения в возрасте 15–24 лет колебалась от 2.5 процентных пунктов (Костромская область) до 7.7 (Ставропольский край). В 2010 г. разница между регионами и их столицами была схожей. И это при том, что рождаемость в крупных городах, как правило, ниже, чем в сельской местности.

Не обязательно, что чем крупнее город, тем более позитивную роль в плане омоложения населения в нем будет играть миграция. Города-миллионеры притягательны для миграции, но сам по себе этот статус, автоматически, приток молодежи не определяет. Для молодежи важнее возможности учебной миграции (а в этом плане выделяются

Таблица 5. Доля возрастных групп 15–19 и 20–24 лет в общей численности населения регионов и их столиц в 2002 и 2010 гг.

Регион	Доля населения в возрасте, %			Столица региона	Доля населения в возрасте, %		
	15–19	20–24	15–24		15–19	20–24	15–24
2002 г.							
Костромская область	8.3	7.2	15.6	Кострома	9.6	8.5	18.1
Курская область	7.9	6.7	14.6	Курск	9.5	8.6	18.1
Ставропольский край	10.0	8.2	18.2	Ставрополь	14.9	11.0	25.9
Республика Башкортостан	9.3	7.3	16.6	Уфа	10.3	8.9	19.2
Республика Чувашия	9.0	7.3	16.4	Чебоксары	11.1	9.2	20.3
Алтайский край	9.1	8.2	17.3	Барнаул	11.3	10.2	21.5
Иркутская область	9.4	8.5	17.9	Иркутск	11.4	10.3	21.7
Томская область	11.3	10.0	21.3	Томск	14.2	12.9	27.1
2010 г.							
Костромская область	5.1	7.7	12.8	Кострома	5.8	9.1	14.9
Курская область	5.5	7.4	12.9	Курск	6.4	9.1	15.5
Ставропольский край	7.3	9.0	16.3	Ставрополь	10.5	12.6	23.1
Республика Башкортостан	6.5	8.9	15.4	Уфа	7.0	10.4	17.4
Республика Чувашия	6.1	8.7	14.8	Чебоксары	7.6	10.6	18.2
Алтайский край	5.5	7.9	13.4	Барнаул	7.0	10.3	17.3
Иркутская область	6.4	9.0	15.4	Иркутск	8.1	11.0	19.0
Томская область	6.4	10.0	16.4	Томск	7.5	12.2	19.7

Томск и Ставрополь) и окружение. У Ставрополя оно несколько иное, чем, например, у Перми или Костромы, как по миграционному потенциалу возможного оттока из региональной периферии, так и по силе конкурирующих центров, соседних столиц. А Владивосток вообще конкурирует не с соседними регионами, а, скорее, с крупнейшими центрами европейской части страны, куда направлены устойчивые миграционные потоки со всего российского Дальнего Востока.

Приведенные на рис. 6 половозрастные пирамиды четырех российских региональных столиц на 2002 г. наглядно показывают разную степень влияния миграции молодежи на их население. Все они для нее привлекательны, но Ставрополь и Томск – в особенности, как центры учебной миграции. По окончании обучения многие молодые люди уезжают из этих городов, и уже к возрасту 25–29 лет возрастные пропорции выравниваются. Приток мигрантов в учебные заведения почти не сказывается на рождаемости, ведь во время обучения люди редко обзаводятся детьми, откладывая это на более поздний срок⁵. Вот почему доли

детей в населении городов, чья возрастная структура приведена на рис. 6, практически не различаются. Хотя в Москве, по оценкам исследователей, вклад мигрантов в рождаемость значителен [2].

Однако стягивание молодежи в региональные столицы имеет и отрицательные последствия. Малые и средние города оказались под двойным прессом: с одной стороны, их молодое население стремится попасть в столицу своего региона или соседнего, в Москву или в Санкт-Петербург; с другой – они потеряли подпитку от села, где стало меньше молодежи, а та, что осталась, тоже предпочитает уезжать в крупные города.

КАКИХ МАСШТАБОВ МОЖЕТ ДОСТИГАТЬ ОТТОК МОЛОДЕЖИ

Как показали расчеты, вне зависимости от статуса (село, поселок городского типа, город) и величины населенного пункта максимальных масштабов отток молодежи достигает в периферийных частях регионов. Это территории, значительно удаленные от региональных столиц. Расстояние, которое делает эту удаленность особенно значимой, в большинстве регионов не превышает 50 км (исключение – Московская и Санкт-Петербургская агломерации). Население районов и городов

⁵ Средний возраст материнства, по оценке С.В. Захарова, в 2003 г. составил 26.3 года, средний возраст рождения первенца – 23.9 года [14, с. 248], а в 2009 г. – 27.4 и 24.6 года соответственно [15, с. 108].

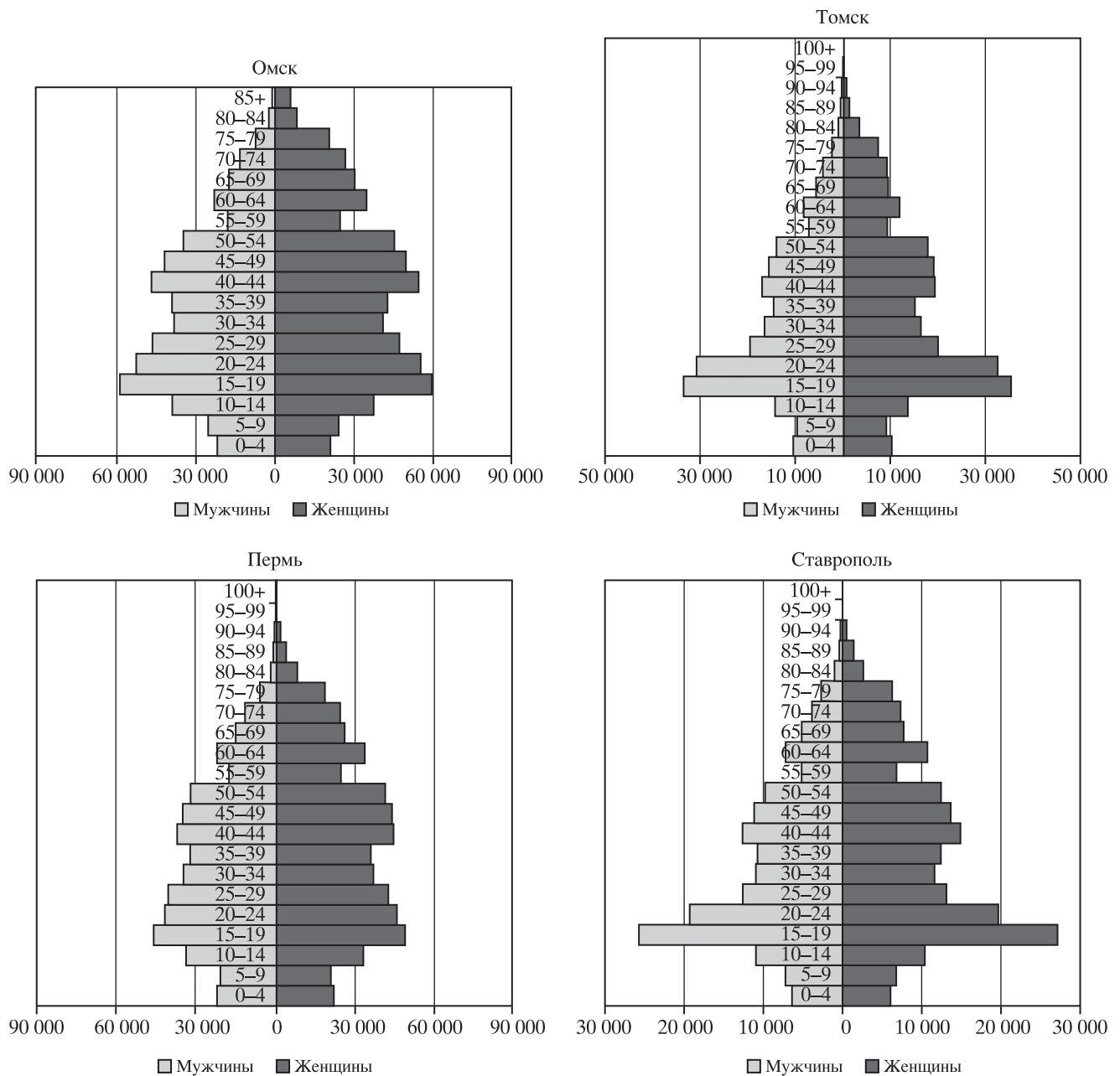


Рис. 6. Возрастно-половая структура населения некоторых региональных столиц (по данным переписи населения 2002 г.), человек

за этой чертой не может участвовать в ежедневных маятниковых трудовых поездках в региональный центр, ему во многом недоступны услуги, предоставляемые в крупном городе. Население мест, менее удаленных от центра, эти возможности, с известными оговорками, имеет.

В большинстве регионов периферия начинается сразу за пределами центров и граничащих с ними районов: случаи, когда население здесь стабильно или растет, редки [6]; периферийным территориям не удастся удержать молодежь, вся разница между ближней и дальней периферией

заклучается только в масштабах потерь. Потери молодежи периферией неодинаковы и в анализируемых нами регионах, они зависят, как уже было показано выше, от того, удастся ли периферии компенсировать потери своей молодежи за счет прибывающих из других регионов и стран. В первый межпереписной период самые большие потери (к возрасту 20–24 лет) несла периферийная зона в Республике Бурятия, Томской, Иркутской, Архангельской и Омской областях. Но все это регионы даже по российским меркам редконаселенные, с сильным суммарным оттоком населения в

Таблица 6. Численность молодежи в возрасте 20–24 лет в 2002 г. по отношению к числу детей соответствующего возраста в 1989 г., %

Регион	Всего	Центр	Периферия
Ставропольский край	137.3	199.7	124.7
Ростовская область	122.8	143.5	113.9
Томская область	116.8	155.4	71.8
Республика Чувашия	112.6	129.7	96.6
Тюменская область	109.2	131.2	92.9
Алтайский край	106.7	145.3	93.6
Курская область	103.0	124.0	90.4
Омская область	101.3	121.5	78.8
Костромская область	100.7	131.8	80.5
Приморский край	99.7	127.2	90.1
Пермский край	98.5	109.4	90.8
Республика Удмуртия	92.4	107.1	82.6
Республика Алтай	92.3	105.0	87.5
Иркутская область	91.7	121.7	78.2
Республика Бурятия	88.7	135.4	66.8
Республика Башкортостан	86.0	101.4	80.8
Архангельская область	84.5	93.9	76.2

результате западного дрейфа [11]. Среди регионов условной “принимающей зоны” наибольшие потери понесла периферия Костромской области, Башкортостана и Удмуртии (табл. 6).

Внутри периферийной зоны потери молодежи, как уже говорилось, также были неодинаковы. В 1989–2002 гг. самый интенсивный отток шел из районов 2–4 порядка удаленности от центров в Архангельской, Костромской, Иркутской и Томской областях, где к возрасту 20–24 лет сохранилось 63–67% молодежи, т.е. треть уезжала.

В последний межпереписной период самые большие потери молодежи (к возрасту 18–22 лет) были на периферии Республики Алтай, Приморского края, Омской, Томской, Архангельской областей, т.е. вновь потери шли как за счет миграции в свои центры, так и в результате отъезда на условный “запад” (табл. 7). В пределах периферии максимальные потери отмечались в Костромской области, где соседи регионального центра 3–5 порядков удерживали чуть более 40% молодежи.

В данной статье различия в потерях молодежи периферией рассматриваются в фокусе центр-периферийных отношений. Несомненно, на уровне городов и районов оказывают влияние локальные факторы. Даже малые города и сельская местность, если в них приходят инвестиции, могут существенно улучшить свое экономическое состояние, что делает их притягательными для мигрантов, – таких примеров немало в регионах

Центрального Черноземья и Юга России [17, 18], в единичных случаях – в Нечерноземье [16, 17]. Но на отток своей молодежи экономическое положение периферийных территорий может оказывать двойное влияние: депрессивность усиливает выталкивание, но для реализации миграционных намерений молодежи немаловажно также наличие экономических возможностей к переезду. И на региональном, и на локальном уровне [3] существуют так называемые “ловушки бедности”, которые могут сдерживать отток населения из депрессивных мест. Но стоит иметь в виду, что на миграцию молодежи анализируемых в данной статье возрастов влияет не столько возможность найти работу, сколько возможность получения профессионального образования. Скорее, экономическое состояние городов и районов может влиять на возвратную миграцию молодежи после получения образования в крупных городах.

В оба рассматриваемых межпереписных периода прирост молодежи в региональных центрах не зависит от численности их жителей. Томск и Ставрополь, прирастающие молодежью больше других столиц, – не самые крупные города по численности жителей среди рассматриваемых, а “миллионеры” Пермь и Уфа не сильно увеличивают численность молодежи. Это не означает, что последние для молодежи не привлекательны, скорее всего, приток молодежи в эти города сопровождается активным выездом на учебу в другие крупные центры (Нижний Новгород, Екатеринбург

Таблица 7. Численность молодежи в возрасте 18–22 лет в 2010 г. по отношению к числу детей соответствующего возраста в 2002 г., %

Регион	Всего	Центр	Периферия
Томская область	137.3	205.5	59.7
Ставропольский край	121.4	226.6	103.2
Ростовская область	113.6	148.6	98.2
Республика Чувашия	113.1	151.2	79.6
Тюменская область	109.4	144.5	80.3
Приморский край	103.6	164.2	51.6
Республика Бурятия	98.1	147.6	70.4
Омская область	92.7	132.1	53.1
Республика Башкортостан	92.2	143.2	77.5
Пермский край	92.2	122.2	71.2
Иркутская область	92.0	140.1	67.9
Алтайский край	89.2	173.1	67.1
Республика Удмуртия	89.0	114.8	71.8
Курская область	88.2	133.9	62.8
Костромская область	87.3	127.4	60.2
Архангельская область	80.0	108.1	57.1
Республика Алтай	71.9	134.8	43.6

бург, Казань, Санкт-Петербург и, конечно, Москву) своей молодежи, в результате балансовые показатели миграции невелики (на примере Перми подробнее см. [13]).

На рис. 7 видно, как сокращались за межпереписной период контингенты детей по мере их взросления в периферийной зоне (удаленной более чем на 50 км от регионального центра) Костромской области, из которой отток молодежи шел наиболее интенсивно. Подчеркнем, что это потери – суммарные для районов и городов, удаленных от региональных центров; в отдельных АТЕ отток больше, в иных его частично компенсируют миграции из соседних мест.

Выезд молодежи серьезнейшим образом деформирует возрастную структуру населения периферии российских регионов, эта деформация ведет к необратимым изменениям, предопределяя усиленное старение населения этих территорий, ускоренную депопуляцию и сжатие заселенного пространства.

ВЫВОДЫ

Предпринятая в данной статье попытка оценить масштабы миграции молодежи на уровне низовых единиц АТЕ за два последних межпереписных периода позволяет сделать следующие выводы:

1. В каждом из рассмотренных российских регионов миграция молодежи направлена из регио-

нальной периферии к столицам и их пригородным зонам. Сохранять молодежь удавалось только периферии самых миграционно привлекательных регионов, где происходит замещение своей молодежи внешними мигрантами.

2. С ростом расстояния от регионально-го центра отток молодежи быстро нарастает, но на расстоянии, делающем невозможным и ежедневные маятниковые поездки, увеличение расстояния не играет важную роль, и отток в большей степени зависит от наличия центров, в том числе экономически более благополучных, способных сдержать отток в столицу региона.

3. Притягательность региональных столиц для молодежи практически не зависит от их размера, но на периферии удерживать молодежь удается только крупным городам с населением более 100 тыс. человек. Малые города теряют молодое население так же интенсивно, как сельские районы, депрессивные города (например, Кизел, Гремячинск Пермского края) могут терять молодежь ускоренными, даже для периферии, темпами. На большом расстоянии от регионального центра средние по размерам города могут формировать центры притяжения населения второго порядка, и целый ряд городов демонстрировал эти возможности на протяжении обоих межпереписных периодов. Способствующим тому фактором служит также сохранившаяся в некоторых регионах сравнительно полнокровная, не до предела исчер-

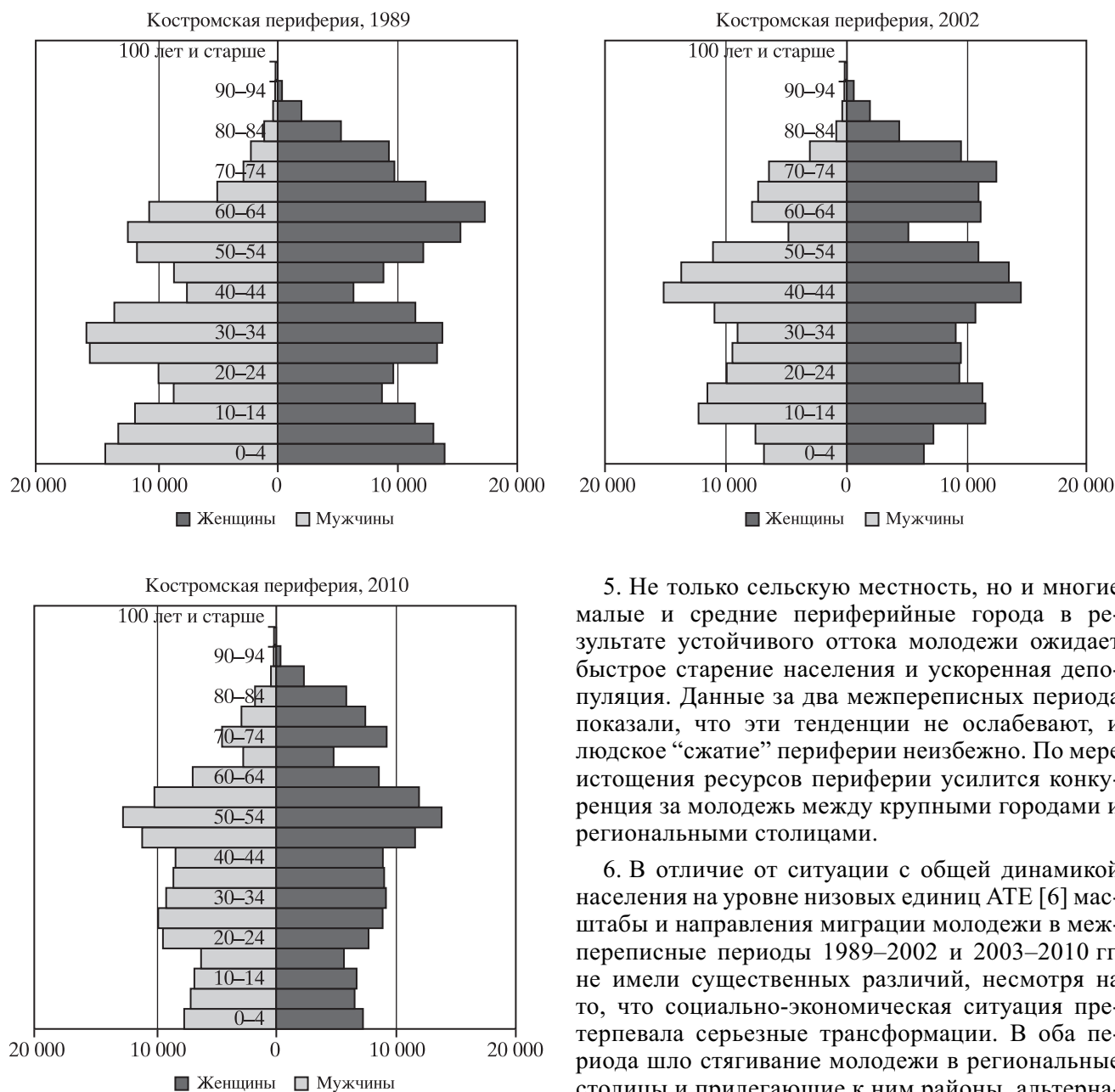


Рис. 7. Возрастно-половая структура населения периферии Костромской области в 1989, 2002 и 2010 гг., человек

панная депопуляцией и оттоком в города сельская периферия.

4. Почти все сельские районы, каким бы ни было расстояние от них до регионального центра (если только это не маятниковая доступность, при которой возможны ежедневные поездки в региональный центр), теряют молодежь примерно одинаковыми темпами: в регионах, притягивающих молодежь, периферийные территории недосчитываются 10–20% молодежи, в теряющих (в целом) молодежь – 30–40%.

5. Не только сельскую местность, но и многие малые и средние периферийные города в результате устойчивого оттока молодежи ожидает быстрое старение населения и ускоренная депопуляция. Данные за два межпереписных периода показали, что эти тенденции не ослабевают, и людское “сжатие” периферии неизбежно. По мере истощения ресурсов периферии усилится конкуренция за молодежь между крупными городами и региональными столицами.

6. В отличие от ситуации с общей динамикой населения на уровне низовых единиц АТЕ [6] масштабы и направления миграции молодежи в межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг. не имели существенных различий, несмотря на то, что социально-экономическая ситуация претерпевала серьезные трансформации. В оба периода шло стягивание молодежи в региональные столицы и прилегающие к ним районы, альтернативных центров притяжения в рассматриваемых регионах было очень мало. Различия между периферийными территориями зависели от общей миграционной привлекательности региона и степени удаленности от регионального центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.
2. Архангельский В., Зверева Н. Рождаемость в Москве в 2000-е гг. // Демоскоп Weekly, № 489–490, 5–18 декабря 2011: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0489/tema01.php>

3. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ / Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 431–450.
4. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
5. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 82–107.
7. Лейзерович Е.Е. Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сб. докл. XXV секции МАРС / Ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. М.: ИГ РАН, 2008. С. 173–181.
8. Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.
9. Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 5. С. 28–41.
10. Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21–38.
11. Мкртчян Н.В. Миграция в России: западный дрейф // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии ИНИ РАН. 2004. № 87.
12. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития: Сб. статей / Под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.
13. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях / Научные труды: ИНИ РАН. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 688–712.
14. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006. 356 с.
15. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 334 с.
16. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
17. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 5–21.
18. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
19. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
20. Переведенцев В.И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. 150 с.
21. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. 343 с.

Migration of youth in regional centers of Russia at the end of 20th – early 21st century

N.V. Mkrtchyan

Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics, Moscow

On the basis of data for the 1989–2002 and 2003–2010 the migration of young people is analyzed for cities and districts of 19 regions of Russia. Migration is estimated by the age shift for the relevant periods between censuses, which provides more accurate estimations in comparison with the data of the current statistics. Migration of young people everywhere is highly centripetal, the loss of young people on the periphery is growing with distance from the regional centers. All the regional capitals attracted young people in the period under review, what had a positive effect on the age structure of the population, but only large cities managed to hold the youth. The loss of youth on periphery are sustainable, they depend on common migration attractiveness of regions and reach the greatest extent in the east of Russia and in the depressed areas of the Center. In small and medium-sized cities in the periphery of regions the outflows of young people almost always reaches the same intensity as in the countryside.